

Влас Михайлович Дорошевич

После актрисы

Влас Михайлович Дорошевич

После актрисы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651375

Аннотация

«Маленькая, карманная книжечка, в кожаном переплете, с золотым обрезом. На первой странице тщательно и красиво выведено: – Моя жизнь. Елизавета Арагвина-Номарская. На второй странице написано: „Я с детства была очень красива. Когда мне было 12 лет, я влюбилась в аптекарского помощника“...»

Содержание

* * *

Комментарии

Список условных сокращений

4

37

41

**Влас Михайлович
Дорошевич
После актрисы¹
(*Ее бумаги*)**

* * *

Маленькая, карманная книжечка, в кожаном переплете, с золотым обрезом.

На первой странице тщательно и красиво выведено:

– Моя жизнь. Елизавета Арагвина-Номарская.

На второй странице написано:

«Я с детства была очень красива. Когда мне было 12 лет, я влюбилась в аптекарского помощника».

На третьей странице:

Панталон – 7.

Панталон-трико – 5.

Рубашек – 6.

Чулоч шелковых -12 п.

Фильдекосовых – 8 п.

Сутьен-горж – 2.

Комбинезонов – 4.

Платков носовых – 7.

С кружевцами – 14.

Больше в книжечке ничего не написано.

Телеграмма:

«Предлагаю зиму восемьсот месяц два полубенефиса аванс пятьсот отвечайте немедленно дорожные высылаю. – Полтавский-Ретурнов».

На слоновой бумаге.

Напечатано золотыми буквами.

«Глубокоуважаемая

Елизавета Ивановна.

Богато одаренная артистка!

В знаменательный день Вашего бенефиса мы, посетители галереи, присоединяем наши молодые голоса к тому хору восторгов, который заслуженно снискали Вы в нашем городе. Вы ищущая Нора², Вы стонущая Чайка³, Вы укором поднимающаяся Екатерина Ивановна⁴, Вы нежная Офелия, Вы открыли нам глубины Ибсена, Чехова, Шекспира и Андреева. Вы купаетесь в лучах их творчества и зовете нас к

² *Нора* – героиня пьесы «Кукольный дом» (в ряде изданий и постановок указывается название «Нора», 1879) норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828—1906).

³ *Чайка* – Нина Заречная, героиня одноименной пьесы А.П. Чехова (1896).

⁴ *Екатерина Ивановна* – героиня одноименной пьесы (1912) Л.Н. Андреева

борьбе и протесту. Вы указываете нам такие возможности и достижения, что аплодисменты невольно срываются с наших рук. Светите же долго-долго нам, Вы, чудная артистка, всегда чутко прислушивающаяся к голосу молодежи, посещающей галерею. Честь Вам и слава!»

Следуют подписи с росчерками.

Визитная карточка.

Нижняя часть с фамилией оторвана.

Остались только имя и отчество:

«Сергий Васильевич».

На обороте написано:

«М.г. г-жа Арагвина! Если когда-нибудь Вы найдете, что Вам 200 (двести) рублей явятся не лишними, пришлите через коридорного в той же гостинице в № 17 два слова: „Я дома“. Готовый к услугам поклонник Вашего сложения».

Открытка.

Написано печатными буквами:

«Арагвиной-Номарской. В театр. У нас зашел спор: сколько Вам лет? Мне говорят, что 55, а я утверждаю, что не больше пятидесяти. Разрешите: кто из нас прав?»

Открытка.

Нарисована свинья.

Написано измененным почерком:

«Ее высокородию г-же Арагвиной-Номарской. В театр, за кулисы. Чем морду мажешь, ведьма? Зубы-то любовнички выбили, что вставила? Патлы-то носишь фальшивые? Свои волосы хахали выдрали?»

Полулист из чьего-то письма:

«Я не понимаю, что ж тут обидного? Я сказал, что актрисы это женская холостежь. Что они смотрят на мужчин, как мы, мужчины, смотрим на женщин. В вас много мужского: вы сами о себе заботитесь, зарабатываете, делаете карьеру, самостоятельны. Вы женщины-мужчины. Все это выработало в вас мужские замашки. Вы меняете города. Ведь не монахинями же...»

Дальше так было залито духами, что слова расползлись.

Письмо.

Написано, видимо, левой рукой:

«Будет морда облита серной кислотой. Чтоб женатые люди, которые о семье должны думать, на таких тварей не заглядывались. Собираем подписи порядочных женщин под письмом антрепренеру: чтобы выгнал Вас со сцены. Иначе мы, порядочные семьи, в театр ходить не будем, и сборы упадут».

Подписано:

«Мать семейства».

Визитная карточка.

Фамилия оторвана.

Имя и отчество:

«Сергий Васильевич»:

На обороте:

«Милостивая государыня! Как женщина умная, Вы, надеюсь, не обиделись на мою записку намеренно. Я в высшей степени занятой человек, и мне некогда тратить времени на гимназические ухаживания. Да и Вам, вероятно, они надоели».

Добавлено по-французски, с ошибками:

«Les affaires sou les affaires. Ne c'est pas?»⁵

Добавлено внизу:

– 300?

Письмо на хорошей бумаге.

«Милостивая государыня г-жа Арагвина-Номарская!

Извините, что не знаю Вашего имени и отчества. Обращаюсь к Вам с просьбой, во имя доброго дела. Под моим председательством состоит общество пособия детям алкоголиков. Очень добрая цель. Но денег у нас нет. Мы захотели устроить концерт, и я уверена, что Вы не откажетесь принять участие, как обыкновенно артисты считают долгом принимать участие в благотворительных концертах. Вам это ниче-

⁵ Дела есть дела. Не так ли? (фр.).

го не стоит, а нашему обществу сбор важен. Вы участвуете во 2-м отделении. Карета будет за Вами прислана к театру.

С совершенным уважением

жена управляющего акцизными сборами Прасковья Непалатова.

P. S. Это будет послезавтра.

Пользуюсь случаем сказать Вам несколько слов о Вашей игре.

В „Трех сестрах“ Вы меня положительно разочаровали. Вообще, в Вашей игре слишком много порывистости, излишней страстности. Надо быть более „distingué“. ⁶ Не знаю, скажет ли Вам что это слово, но по-русски я не могу выразить свою мысль».

Толстая книга «старинной» бумаги с рваными краями.

«Старинный» переплет.

На первой странице написано:

«Дневник».

На второй:

«Помню в детстве меня поразила сказка о царевиче-лягушке. И когда я встречала лягушку, мне казалось, что вот-вот из нее выйдет прекрасный царевич. Но все встречные лягушки так лягушками и оставались».

Больше в книге ничего не написано.

⁶ Изысканной (*фр.*).

Счет с печатной фирмой:

«Соединенные цветочные заведения „Флора“ и „Прозерпина“.

Специальность букетов. Венки театральные и надгробные».

Каучуковым штемпелем оттиснуто:

«Вторично».

Написано:

«Госпоже Е.И. Арагвиной-Номарской.

К Вашему бенефису:

Одна корзина новая с разными цветами – 150 р.

Цветы. Корзина Ваша – 30 р.

Букет большой – 40 р.

Букет малый, с надписью: „От юных поклонниц“ – 20 р.

На Вашей ленте напечатано золотом:

„Синей птице русского театра“⁷ – 3 р.

Ленты наши с разными надписями – 15 р.

Итого – 168 р.

Скидка 40% – 57 р.

Следует с Вас – 112 р.

Деньги верим получить подателю сего».

Марка.

Расписки в получении нет.

⁷ «Синей птице русского театра». – Обыгрывается название пьесы М. Метерлинка «Синяя птица».

Ключок какого-то письма.

Можно только прочесть:

«Гимназист 7-го класса это тот же студент. Мы не виноваты, что государство, желая задержать развитие страны, держит нас до 18-и лет в гимназии».

И на обороте:

«Мои намерения очень серьезны. Я хочу пойти на сцену, и мы будем служить вместе с Вами. Иначе мое самоу...»

Грязная визитная карточка.

Словно ее подсовывали под дверь.

Фамилия оторвана.

Имя и отчество:

«Сергий Васильевич».

На обороте написано только:

– 500?

Драная визитная карточка.

Словно ее просовывали в щель двери.

Фамилия оторвана.

Имя и отчество:

«Сергий Васильевич».

На обороте:

– 800?

Письмо:

«Милостивая государыня!

Вы даже не изволили потрудиться удостоить меня своим ответом. Я, порядочная женщина, думая, что и во всякой профессии можно еще сохранить известную порядочность, допустила себя обратиться к Вам с материальной просьбой о пятистах рублях, которые необходимы для спасения моего сына, в минуту увлечения проигравшего казенные деньги. Но где же Вам понять чувства матери! Порядочной женщине никто не даст пятисот рублей, – гибни! А тварям подносят в один вечер цветов на 500 рублей! Вам есть еще способ поправить свой недостойный поступок и Ваше дерзкое оставление меня без ответа. Что Вам стоит сказать кому-нибудь из Ваших так называемых „поклонников“, – что ему стоит внести за несчастного молодого человека какие-то жалкие 500 рублей. У Вас золото рекой льется. Одумайтесь!

Жду ответа лично.

Вдова статского советника Мария Порфирова».

Изломанная визитная карточка.

Словно ее всовывали в замочную скважину.

Фамилия оторвана.

Имя и отчество:

«Сергий Васильевич».

На обороте:

– 1000? Подумайте!

Письмо на японской бумаге.

От него и сейчас веет какими-то выдыхающимися духами.

«Дорогая Лизбет!

Тут есть некто Сергей Васильевич Ключачев. Помещик. Он безумно богат, безумный твой поклонник и безумно просил меня с тобой познакомиться.

Поедем сегодня ужинать, будет безумно весело.

Целую тебя крепко.

Твоя Лили.

P. S. Понюхай бумагу. Это rue de la Paix. ⁸ Духи, которые я безумно люблю.

P. S. Безумно устала. Каждый день ужинаю. Это безумно. Безумно не хочется нынче играть».

Телеграмма:

«Срочная. Театр. Арагвиной.

Вы одна можете сделать из меня актера. Точка. Я буду работать, творить, создавать. Я сделаюсь снова актером. Точка. Бросьте свои предубеждения против актеров. Вы говорите. „Все – только не актер. Актер тоже женщина. Его занятие увлекать, нравиться. Актер обладает всеми женскими недостатками“. Точка. Это философия. Точка. Мы вместе будем

⁸ «Улица Мира» (фр.).

работать над ролями. Создавать, творить, царить в театральном мире. Диктовать свои условия. Мы вместе будем составлять могущественную пару. Мы заставим антрепренеров подчиняться нашим требованиям. Нам двоим не страшны режиссёры. Точка. Мы оставим след в искусстве. Мы снимем свой театр. Точка. Я предлагаю вам союз, любовь, страсть. Не отвергайте. Телеграфируйте срочно: Москва, меблированные комнаты Фальц-Фейн. Ваш твой Аркадий. Ваш Громиславский».

Оторванный почтовый полулист.

Размашистым почерком:

«Прошу в моей смерти никого не винить. Е. Арагвина-Номарская».

Телеграмма:

«Срочный ответ 50 слов уплачен. Срочно. Театр. Арагвиной».

Только теперь я понял, что такое ты для меня. Только сейчас постиг, осознал, что без тебя мне нет жизни. Без тебя не могу работать. Без тебя я погиб. Умоляю, пожалей. Пожалей не меня, мой талант. Он принадлежит публике. Точка. Как могла ты подумать, что могло быть серьезное увлечение какой-то выходной Амуранской. Каким-то ничтожеством. Не могу писать о ней: телеграф ругательных слов не принимает.

Точка. Ты одна мое сокровище, жизнь, радость, счастье, мое божество, кумир, мой идеал, вся моя религия в тебе. Точка. О, не разбивай нашей жизни. Прости, прости меня. На коленях, со слезами умоляю тебя. Точка. Моя кровь не принесет тебе счастья. Все расчеты с жизнью кончены. Твой отказ нажмет курок револьвера. Точка. Воскреси же меня к жизни, моя волшебница, богиня. Меблированные комнаты Якорь. Твой, твой, твой и больше никогда ничей. Аркадий».

На телеграмме сделан, – женской рукой, – карандашный подсчет:

«196 слов x 15 коп. = 29 р. 40 коп.»

Письмо:

«Высокоуважаемая
Елизавета Ивановна!

Доктор за это меньше полтора ста рублей взять не согласен. Итого, все Вам обойдется двести. Верьте, что мне очистится не больше, чем мы, акушерки, получаем обыкновенно за простые роды. Играть вы сможете на пятый день. В ожидании вашего ответа

Искренно уважающая Вас и готовая к услугам
Пелагея Слепцова.

P. S. Будьте добры, нельзя ли две контрамарочки на воскресенье, на утренник, на „Ревизора“, для моих детей. Вам это ничего не стоит. А я побалую детей. Кстати, у них теперь

проходят русскую литературу. Им это и для ученья полезно».

Почтовый лист большого формата.

В левом углу изображено: двухэтажный дом и напечатано: «Гранд-Отель и Бельвю».

Написано:

«Милостивая государыня
Елизавета Ивановна!

Прежде всего, я барин. Вы меня знаете: я человек прямой. Если б я увлекся какой-то Вашей горничной, я поделился бы этим с Вами прямо. Все уверения Вашей Настьки не что иное как грязный шантаж, достойный наперсницы такой (несколько слов тщательно зачеркнуто) особы, как Вы. Вы знаете, что передовые представительницы нашей интеллигенции сочли бы за счастье пойти за мной. Бесчисленные письма учащихся девушек и лучших дам местного общества могли Вам служить достаточным доказательством. Я никогда не скрывал от Вас этих писем, я честно показывал Вам их, не таил своих переживаний и успехов.

Вы пустили низкую клевету, клевету, для того, чтобы уронить меня в глазах Антропинской. Да, я люблю ее. Я смело и гордо говорю: люблю. Вас я больше не люблю. Это факт. С этим надо считаться. Я отдал Вам полтора года своей жизни. Из-за Вас я перестал быть актером. Я разучился работать. Я Вас ненавижу. Посылаю Вам квитанции на Ваши заложен-

ные вещи. Пришлите мне квитанции на мои портсигар, часы и запонки. Между нами все кончено. Гардероб прошу выдать подателю сего.

Остаюсь актер Аркадий Громиславский».

Счет.

На бланке:

«Гостиница „Континенталь“. Проведенная вода и телефоны.

Г-же Е.И. Пехотиной, по сцене Арагвиной-Номарской.

Следует с Вас за три месяца за № 450 р.

Заплачено 50 р.

Остается получить 400 р.

Просят уплатить немедленно, иначе перестанут подавать самовары. Хозяин больше ждать не намерен».

Телеграмма:

«Актрисе Арагвиной. Театр.

Ваш сын умер. О болезни не считал нужным вас извещать. Какое вам до нас дело. У вас сезон. Та, которая заменила ему мать, в отчаянии. Пехотин».

Написано на обложке роли Офелии:

«Прошу в моей смерти винить антрепренера Архарина и режиссёра Патрасского. Это они, они виноваты во всем. Это

из-за них я пускаю себе пулю в лоб! Они довели меня своими интригами. Пусть весь мир знает об этом. Прошу напечатать это письмо в „Театре и искусстве“⁹ и в „Рампе и жизни“¹⁰. Пусть весь мир знает. Это моя последняя воля. Я проклинаю, проклинаю, проклинаю их! Артистка Елизавета Арагвина-Номарская».

Недурная почтовая бумага.

«Милый друг!

Я писатель, а не читатель. А Вы заставляете меня читать рецензии этого дурака Аносова. Что он хотел этим сказать: „Игра г-жи Арагвиной-Номарской всегда ярко и определенно индивидуальна“. Обругал Вас или похвалил? А черт его знает! Ну, кто читает рецензии? В редакциях отправляют в рецензенты несчастных, которые так глупы, что даже правительства обругать не умеют. Их и отправляют ругать актеров. А антрепренеры сажают их на кресла с пятнами или с прорванным сиденьем, чтоб не было заметно. Вот что такое рецензент. А Вы волнуетесь! Самое главное, что написано: „Подано три букета“. Публика ходит в театр смотреть, как актрисам подают букеты. А на остальное чихните, ми-

⁹ «Театр и искусство» – еженедельный иллюстрированный журнал, выходил в Петербурге с 1897 по 1918 гг.

¹⁰ «Рампа и жизнь» – еженедельный иллюстрированный журнал, выходил в Москве с 1909 по 1918 гг.

лая! По-моему, он просто в Вас влюблен и теперь начнет Вас допекать своей философией. Это у него всегда так. Как влюбится – так и начинает ругать актрису за красивую наружность. „Показывала ручки, ножки“. Со сладострастием, подлец! Или допекает философией. Целую Ваши красивые ручки.

Ваш М.

P. S. Вот что Вы себе палец прихлопнули каретной дверцей, – это прескверно. Может ноготь сойти. Бррр! А они у Вас прекрасные. Кланяйтесь от меня Вашей manicure. Думайте о своих ногтях и не думайте о рецензентах».

Письмо с массой ошибок:

«Многоуважаемая госпожа Елизавета Ивановна, артистка! Ежели Вам будет нужно что из подержанных платьев в кредит, или сами захотите что продать, спрячьте мой адрес: Новослободская улица, собственный дом, домовладелица Дарья Арбузникова. Имейте в виду, что продаю в кредит и не беспокою. Многие Ваши товарки, которые прежде Вашего тоже были актрисами в нашем городе, имели со мной знакомство, очень меня уважали и после благодарили. Затем остаюсь уважающая Вас

Дарья».

Недурная почтовая бумага.

«Богиня!

Нет, Вы задались целью загнать меня в гроб в цвете средних лет! Ни одна женщина ни одному мужчине не задавала столько адских задач. Прислать Вам почитать интересную книгу! Интересные книги, милый друг, пишутся по-французски. А русские книги умные и „скудные“, как очаровательно Вы говорите. А, впрочем, пошлите в библиотеку хоть за „Преступлением и наказанием“¹¹. Только не читайте там, где сплошь напечатано. Ну это к черту! Это психология! Никакой психологии на свете нет. А читайте там, где строчки начинаются черточкой. Одни разговоры. Довольно занимательный уголовный роман. Даже спать потом будете бояться! Невероятного достаточно: случая не было в уголовной практике, чтобы убийца какие-то звонки потом ходил слушать. Ну, да не стану разочаровывать. Читайте, верьте и будет страшно. Удовольствие полное. Я уверен, Вам понравится.

А что ноготь не сойдет – очень хорошо. Дешево отделались. Вперед наука.

Целую этот ноготь.

Ваш М.»

Почтовая бумага голубого цвета.

Сверху напечатан девиз:

¹¹ «Преступление и наказание» (1866) – роман Ф.М. Достоевского.

«Живите в театре, умрите в театре. Белинский»¹².

«Елизавета Ивановна!

То, что Вы мне сказали вчера при нашем знакомстве, кратко можно резюмировать так: „Оргиастическая окраска Вашего исполнения покоится всецело на глубоко индивидуалистическом процессе Вашего творчества“. Это бесспорно! Я искренно рад, что Вы интересуетесь философией, – нам легче столкнуться. Посылаю Вам, как Вы называете для легкого чтения, „Мир как воля и представление“ Артура Шопенгауэра¹³. Но все же я стою на своем и буду стоять, пока Вы меня не собьете: настольной книгой актера должно быть „Об ощущениях и их выражении у человека и у животных“ Чарльса Дарвина. Только здесь Вы почерпнете основы для объективизма внешних выражений. Иначе, предупреждаю Вас: Вы погибнете в пучине индивидуализма. Конечно, многие наблюдения и выводы Чарльса Дарвина рассеяны и у Вильяма Шекспира. Но я лично предпочитаю для Вас Чарльса: у него все это сконцентрировано. Вас, кажется, неприятно поразило и даже как будто обидело слово „и животных“. Увы! Несколько зоологическая точка зрения необходима, чтобы спасти от метафизической бездны. Продумайте несколько вечеров, и Вы со мной согласитесь.

¹² «Живите в театре, умрите в театре. Белинский». – Неточная цитата из статьи В.Г. Белинского «Литературные мечтания» (1834).

¹³ «Мир как воля и представление» (1818) Артура Шопенгауэра (1788—1860) – главный труд немецкого философа.

Уважающий Вас
Аносов».

Письмо, написанное мелким-мелким почерком, на бумаге с изображением двух лилий:

«Я та самая, которая бросила в Вас букетом фиалок и, извините, попала Вам в глаз. Я та самая, которая всегда переходит Вам дорогу у подъезда театра, когда Вы хотите сесть на извозчика. Я делаю это сознательно. Я обожаю Вас! Я хочу быть около Вас непрерывно, каждую секунду. Быть Вашей горничной. Снимать, надевать Вам чулки. Сердитесь на меня, ругайте, бейте меня, но я Вас обожаю, моя Лизоида! (Таким именем я Вас ласкаю в своих мечтах). Я буду ждать Вашего ответа у подъезда гостиницы. Вы меня узнаете по клеенчатой шляпе и букетику красной гвоздики. Отвечайте „да“ и бойтесь ответить „нет“.

Ваша, как Вы моя,
Анна Стрекачева».

Недурная почтовая бумага.

«Бисмарк¹⁴, а не дама!

Это Вы чудно придумали. Пугнуть Аносова философией! Теперь он Ваш! Любит, чтоб с ним философствовали. Эта-

¹⁴ *Бисмарк* Отто фон Шёнхаузен (1815—1898) – первый рейхсканцлер германской империи в 1871—1890 гг., осуществил объединение страны. Здесь: твердый, железный человек.

кий идиот!

Пуганите его так:

„Глубокоуважаемый Агафон Петрович! Индивидуализм, – пишете Вы. – Пусть будет индивидуализм! Но возьмем формулу Тарда¹⁵, – надеюсь, Вы его не отвергаете? „Толпа глупее самого глупого человека среди нее“. Следовательно, публика глупее самого глупого зрителя. И, руководясь ее восприятиями и переживаниями, я буду руководиться самым глупым из зрителей? Где же выход, дорогой Агафон Петрович? Где выход? В чем, кроме индивидуализма, я найду стимул для творческой работы? Вот что мучает меня, разрывает мою артистическую совесть. Актер или толпа? Мое „Я“, – или их „Они“? Мое или их переживание? Чувство или его отражение? В чем задача искусства? Вот о чем мечется моя бедная душа. Вот что прошу Вас разрешить, *cher maître!*¹⁶ (По-русски подходящего слова нет). Очень Ваша“.

Следует подпись.

Глупее ничего нельзя составить. Ему понравится.

Хотите ушибить его окончательно, добавьте:

„Где же постулат? Постулат где?“

Постулат здесь ни при чем. Но он будет польщен, что к нему обращаются с этим непонятным словом.

А самое лучшее, по-моему, позовите его как-нибудь, ко-

¹⁵ Тара Габриель (1843—1904) – французский социолог и криминалист, в основе работ которого психология индивида.

¹⁶ Дорогой метр (*фр.*).

гда не играете, и сделайте его счастливым. Ему удовольствие. А Вам все равно. А то еще с философией!

Ваш М.»

Недурная почтовая бумага:

«Письмом моим, милостивая государыня, воспользовались, а меня ругаете. Вот благодарность и логика! Но ведь Вам потому со мной и приятно, что я единственный человек, который в Вас не влюблен. По крайней мере, не уверяю Вас в этом по вечерам.

Вы меня даже за мужчину не считаете, и я так и жду, что Вы, забывшись, начнете при мне раздеваться. Это-то Вам и приятно. Не правда? Отрадно, что уцелел на свете хоть один человек, не „поклонник Вашего сложения“. Без удовольствия не могу вспомнить этого выражения. До чего пошло! Хотя, знаете ли, я с удовольствием посмотрел бы Вас в водевиле „Девушка-гусар“¹⁷ или „Чудо нашего столетия“¹⁸. Ну, вот видите, и рассмеялись? А говорите: „сердитесь! Как не стыдно такие советы насчет Аносова давать?“ Да разве на меня сердиться можно? На меня еще никогда никто не сердился. Не сердитесь вообще, это плохо для цвета лица.

Ваш М.»

¹⁷ «Девушка-гусар» (1835) – водевиль Ф.А. Кони (1809—1879).

¹⁸ «Чудо нашего столетия», «Чудо нашего столетия, или Дело мастера боится» (1851) – водевиль М.С. Владимирова.

Клочок почтовой бумаги голубого цвета, вверху напечатано:

«Живите в театре, умрите в театре. Белинский».

Написано:

«Где стимул? Где постулат? Страшные вопросы задаете Вы, Елизавета Ивановна!»

Остальное оторвано.

На обороте можно прочесть слова:

«Ваше пластическое сложение дает возможность эллинических переживаний...»

Письмо на бумаге с изображением двух кошек.

Мелким-мелким почерком:

«Я ненавижу Вас и люблю. У меня серная кислота для Вас и нашатырный спирт для себя. Я ненавижу Аносова, – как он смел Вам поцеловать руку? Предупредите его, что если он посмеет сделать это еще раз, он получит пулю в затылок. Я не выхожу без револьвера. Да, это я украла пудру из Вашей уборной, когда Ваша разиня горничная побежала кокетничать с маленькими актерами. Я пробралась за кулисы. Я проберусь везде. Я торжествовала, когда Вы ударили по щеке Вашу горничную. Ваша рука была послушна моей воле. Я бы ее исколотила, как она смеет дотрагиваться до Вас. Я с упоением слушала, как Вы кричали и бранились, и сжимала пудру до того, что у меня внутри одна пудра! Я бы как музыку слушала Вашу брань и терпела, как поцелуи, Ваши удары.

Я не позволю Вам иметь другую горничную. Жду ответа с нашатырным спиртом. Бойтесь ответить „нет“.

Готовая на все Анна Стрекачева».

Письмо с массой ошибок:

«Многоуважаемая госпожа артистка! Хотя Вы на мое первое письмо ничего не ответили, но у меня есть случайное кружево. Отпущу в кредит. Насчет того, чтоб Вы могли расплатиться, я позабочусь сама. Вы меня понимаете. И никто не узнает.

Уважающая Вас

Дарья Арбузникова, домовладелица».

Недурная почтовая бумага.

«Веселая Елизавет¹⁹!

Вы меня спрашиваете, что я думаю о Гедде Габлер²⁰? Я совсем не думаю о Гедде Габлер! Ну ее к черту, Гедду Габлер! Ребус, а не пьеса. Если и в театр еще ходить, для того, чтобы думать, – на кой тогда шут и жизнь? Так и не проживешь, а продумаешь жизнь. Театр есть место удовольствия. Так и публика думает, и требует, чтобы ей в театре даже буфет был. Играйте, как бог на душу положит. Поклонники, все равно, подведут философское объяснение под игру. Це-

¹⁹ *Веселая Елизавет* – стилизованное обращение, принятое в кругу ведущей праздную жизнь русской императрицы Елизаветы Петровны (1709—1761).

²⁰ *Гедда Габлер* – героиня одноименной пьесы (1890) Г. Ибсена.

любю Ваши милые пальчики.

Ваш М.»

Письмо сначала было разорвано на четыре части, но потом положено в конверт.

«Мой милый друг!

Вы знаете, как едят спаржу. Едят кончик и бросают остальное. Поступим также с любовью. Съедем одно увлечение. Пусть о том, что случилось вчера, останется воспоминание, как о головокружении. И только. Поскользнулись и упали в грязь. Но грязь из розовой воды и цветов. Переменяли костюмчик, – и пошли дальше. Костюмчик запачкан, – все-таки грязь. Но вспомнить приятно: цветы и запах роз. И угрызения совести есть: поскользнулась. Но и сознание: а все-таки было недурно, кружилась голова. Мы чокнулись и выпили по бокалу шампанского. Зачем же пить непременно „дюжину“? Ни похмелья, ни головной боли, – ничего. Вы очаровательны. Я бы хотел обнять Вас, – и буду жить с этим очаровательным желанием и воспоминанием.

А лучше друга и преданнее Вам не найти.

Ваш М.»

Письмо с массой ошибок:

«Многоуважаемая госпожа актриса!

Я хочу, чтобы у Вас была вещь. У меня есть серьги случайные. Вы мне ничего не отвечаете, может быть, через то,

что Вы обо мне не так поняли. Ну, так пишу яснее. У меня есть три господина, которые за эти сережки заплатят. Теперь, надеюсь, поняли. А потому поспешите, потому что господа могут и уехать. Пишу Вам в последний раз. Если и это письмо оставите без ответа, – то каша за брюхом не ходит. Я хотела Вам сделать доброе, а там как знаете. Я бы не писала, если бы меня к Вам не посылали. А впрочем, уважающая Вас *Дарья Арбузникова, домовладелица*».

Недурная почтовая бумага.

«Вот нахал! – скажете Вы, – а я все-таки пишу. Вы не отвечаете на поклон? Это даже хорошо при нынешней моде. Когда дама кланяется, султан некрасиво колышется. Но Вы сердитесь? Милый друг! В разных городах Российской империи у меня 14 жен. „С ума сойти!“ – как любите говорить Вы. Подумайте! И Вы были бы 15-ой? Ну, рассудите Вашей милой умной головкой. Ну, что было бы хорошего? Ей-богу, мне страшно жаль, что я Вас огорчил. Честное слово! Но что же делать? Случилось и случилось. Плюньте. Забудьте. Не сердитесь. Не допускайте, чтобы жизнь причиняла Вам царапины. Скользите. В этом вся мудрость.

Целую, хоть и недостойн, хоть и негодяй, Ваши красивые руки.

Ваш М.»

Листок почтовой бумаги.

«Многоуважаемая
Елизавета Ивановна!

Не смею больше называть Вас „милый Лизочек“. Я простудился, схватил воспаление легких и теперь лежу в больнице. Все, что было, пролечил и продал. Нет ни чая, ни сахара. В больнице кормят плохо. Разве иногда из милости что даст сиделка. Со слезами стыда говорю, собираю сахар и куски белого хлеба у других больных, – все простонародье! – за то, что на ночь рассказываю им, вместо сказки, содержание пьес. Милая, дорогая моя, которую я своевременно не оценил, не сердитесь на меня, пришлите мне хоть сколько-нибудь, несчастному, погибающему больному. В Чернорабочую больницу, венерическое отделение. Последнее, надеюсь, между нами. Еще раз не сердитесь на меня, простите меня.

Ваш несчастный бывший знакомый
Аркадий Громиславский».

Письмо в конверте.

Плотная английская бумага.

И на конверте, и на бумаге напечатано:

«Василий Петрович Цезарский. Артист императорских театров.

Как Вам не стыдно, как Вам не грех, дорогая, глубоко уважаемая, милая, бесценная, несравненная Елизавета Петровна, думать, что я мог забыть о Вас! Ай-ай-ай, Елизавета Пет-

ровна! „Лисистрата“²¹, – ведь Вы позволите продолжать так называть Вас? Есть минуты, которые не забываются. Никогда, никогда! Эти „Топольки“. Так, кажется, называется это чудное место на берегу реки? Гремели соловьи и лунный свет. Ваша рука в моей руке. Как много пережито! Я говорил о Вас и с управляющим нашим театром и с директором. Ведь, поймите же, дорогая Елизавета Петровна, что такие актрисы, как Вы, нам нужны! Но есть неумолимый бог, имя ему – „Бюджет“. Какое лавочное слово. И нам, артистам Образцовой сцены, приходится считаться, вообразите, с бюджетом! Я думал, что дело Образцовой сцены – привлекать, объединять все таланты! Всей России! Создавать театр. Но директор говорит, что бюджет не позволяет пригласить Вас. И я бессилён. Но думать, что я мог забыть о Вас, забыть свои слова. Ай-ай-ай, какая Вы недобрая. Сезон у нас начался. Новые искания, переживания, достижения, беседы и споры в Художественном кружке с корифеями журналистики, адвокатуры, психиатрии, уловление новых настроений, мучительные поиски новых путей. О, с каким наслаждением, восторгом я променял бы этот кошмар столичной жизни на тихий берег задумчивого Дона, на „Липки“ и лунный свет. Целую Ваши ручки. Ваш, ваш, ваш

В. Цезарский».

Росчерк.

²¹ *Лисистрата* – героиня одноименной комедии (411 до н. э.) древнегреческого поэта и драматурга Аристофана (ок. 446—385 до н. э.).

Так и написано:
«Елизавета Петровна».

Письмо, бывшее в запечатанном конверте, на бумаге цвета «танго».

«Владимир!

Когда до тебя дойдет это письмо, меня уже не будет. Его найдут на ночном столике в то время, когда я в ванне истеку уже кровью. Осыпь меня виноградом! И цветов положи мне в гроб, я так любила цветы и так много их видела в жизни. Взгляни на меня только один раз и больше не гляди. Я хочу остаться в твоей памяти такою, какой ты видел меня в минуты сна после страсти. Твое воспоминание обо мне, – вот все, что остается после меня... Грустно! Нарочно для тебя я не стреляюсь, чтобы не испортить себе лица. Я буду лежать в гробу, вся в виноградных гроздьях, как вакханка, бледная-бледная, без кровинки в лице. Актрисы, куртизанки более нет! Это женщина, которая страдает и любит, пишет к тебе. Прощай, мой любовник! Прощай, моя любовь! Без страданий нет наслаждений, и я благодарю тебя за все, за все страданья, за любовь, за счастье и за горе. Прощай! Я не говорю тебе: „до свиданья“. Ты знаешь, что я ни во что не верю. Прощай.

Твоя Лизис».

Синяя ученическая тетрадь.

На обложке зачеркнуто:

«Ученика... класса».

И написано:

«Мой дневник».

На первой странице:

«Я решила начать вести свой дневник, куда я буду день за днем записывать все свои переживания. Потом интересно будет перечитать. Сегодня мне представили некоего Ивана Николаевича Переверзева. Не знаю почему, но только сердце мне сказало: „Это он!“ Из купцов, необыкновенная личность! Как любит театр! Мы говорили... Впрочем, говорила я, а он слушал! Он совершенно согласен со мной, что театр должен быть построен в виде храма. Непременно в виде храма, который...»

На втором листе:

«Для лица:

Полстакана водки.

2 белка.

Пол-лимона (сок выжать)

Взбалтывать два с половиной часа».

Остальные листики чистые.

Начало недописанного письма:

«Многоуважаемый Леонид Андреевич! Извините, если не так пишу отчество²². Все слышишь: Леонид Андреев, Лео-

²² *Многоуважаемый Леонид Андреевич! Извините, если не так пишу отчество.*

нид Андреев. Из моей жизни можно написать пьесу. Вообще из моей жизни можно написать много пьес. Если Вам не понравится, передайте Вашему товарищу Арцыбашеву²³, или Вашему товарищу Рышкову²⁴. Сюжет заключается в сле...»

Письмо на бланке:

«Торговый дом Николая Переверзева с сыном.

Милостивая государыня

Елизавета Ивановна!

Даже до сих пор с удовольствием вспоминаю время, которое чудесно провел с Вами, хоть и запоздал в делах. Театра-храма, про который Вы изволили говорить, в настоящее время строить никак невозможно. Этого не позволяют дела нашего торгового дома. Дела нашего торгового дома и без того находятся в некотором запущении. А я, пропутавшись в Вашей приятной компании, еще более их подзапутал. Мне от папаши за это было. Впрочем, я на Вас не в претензии и за это не сержусь. А насчет театра-храма так Вы утешьтесь: все равно начальство не дозволило бы. Даже если бы я обещание свое и захотел сдержать. Я тут говорил с соседями по лавке. Конечно, не говорил, что это со мной, а так, обиняком: „Вот, мол, что мелют“. Все в один голос Вас на смех

– Писателя Леонида Андреева звали Леонид Николаевич.

²³ *Арцыбашев* Михаил Петрович (1878—1927) – русский писатель.

²⁴ *Рышков* Виктор Александрович (1863—1926) – русский драматург. *Антигона* – героиня одноименной трагедии (442 до н. э.) древнегреческого драматурга Софокла (ок. 496—406 до н. э.).

подняли: „Ерунда!“ Разве возможно, чтобы к представлению звонить в колокола дозволили? И, как Вы говорите, какую-то „Антигону“ вместо литургии представляли. Вы Бога забыли! А впрочем, до приятного свидания. Я по делам часто езжу. И если где придется встретиться, денек-другой погуляем. Письмо это покорнейше прошу уничтожить. Будьте порядочной женщиной. Потому что я женюсь. Известный Вам *Иван Переверзев*».

Отрывок из какого-то, должно быть, непосланного письма.

Почерк Елизаветы Ивановны:

«Я поехала к нему, в его деревню. Я думала: деревня, деревня. Что ж бы ты думала, мой друг. Я увидела голод, настоящий голод! Без сапог! Неодетые! У него ничего нет. Помочь не может. А что у меня? Что я им дам одеться? Панталоны с кружевами? Ужас! Ужас! Я бежала...»

Письмо на бланке:

«Банкирская контора Митятина с сыновьями.

Госпоже Елизавете Ивановне Арагвиной-Номарской.

Милостивая государыня

Елизавета Ивановна!

В ответ на уважаемое письмо Ваше от 14-го сего месяца имеем честь уведомить Вас, что присланные Вами нам для продажи акции страхового общества „Антипожар“ чис-

лом 80, по номинальной стоимости рублей 250, а всего на номинальную стоимость рублей 20 000, не только не могут быть проданы, но и за продажу их виновные могут быть привлечены к уголовной ответственности, ибо общество это при самом возникновении было признано несостоявшимся. Так что лицо, как Вы изволите писать, передавшее Вам эти акции, мы рекомендуем Вам привлечь к законной ответственности. В ожидании Вашего уважаемого письма, как нам поступить с означенными бумагами, и других приятных поручений имеем честь быть

Торговый дом Митятина с сыновьями».

На письме карандашом, как бы в раздумье, вычерчено и окружено росчерками и сияниями одно слово:

«Подлец».

Актриса Елизавета Ивановна Арагвина-Номарская, 32 лет от роду, умерла случайно.

Желая «попугать», она приняла кокаину. Сначала не поверили, чтоб она отравилась. А когда поверили, было уже поздно.

Она кричала на доктора, что он «коновал», и целовала ему руки, умоляя:

– Спасите! Спасите! Я жить хочу! Я жить хочу!

Все время часто и мелко крестилась, и когда ей предложили священника, замахала руками, словно лапами кошка, попавшая в воду:

– Нет, нет! Я боюсь священников!

После нее осталось 53 платья, много белья, с кружевами, но нуждавшегося в починке, кольцо из крупных бриллиантов, поддельных, кольцо из жемчуга, фальшивого, сережки с мелкими брильянтиками, настоящими, обручальное кольцо, золотая пудреница с монограммами и изображениями: почему-то весов, слона, знака восклицательного, знака вопросительного, многоточия, маски, лягушки, пронзенного сердца и кукиша; ящик с инкрустациями, где в необыкновенно больших бумажниках лежали печатаемые бумаги.

Они печатаются в том порядке, в каком случайная, чужая и равнодушная рука бросала их в огонь.

Комментарии

Театральные очерки В.М. Дорошевича отдельными изданиями выходили всего дважды. Они составили восьмой том «Сцена» девяти томного собрания сочинений писателя, выпущенного издательством И.Д. Сытина в 1905—1907 гг. Как и другими своими книгами, Дорошевич не занимался собранием сочинений, его тома составляли сотрудники сытинского издательства, и с этим обстоятельством связан достаточно случайный подбор произведений. Во всяком случае, за пределами театрального тома остались вещи более яркие по сравнению с большинством включенных в него. Поражает и малый объем книги, если иметь в виду написанное к тому времени автором на театральные темы.

Спустя год после смерти Дорошевича известный театральный критик А.Р. Кугель составил и выпустил со своим предисловием в издательстве «Петроград» небольшую книжечку «Старая театральная Москва» (Пг.-М., 1923), в которую вошли очерки и фельетоны, написанные с 1903 по 1916 год. Это был прекрасный выбор: основу книги составили настоящие перлы – очерки о Ермоловой, Ленском, Савиной, Рощине-Инсарове и других корифеях русской сцены. Недаром восемнадцать портретов, составляющих ее, как правило, входят в однотомники Дорошевича, начавшие появляться после долгого перерыва в 60-е годы, и в последующие

издания («Рассказы и очерки», М., «Московский рабочий», 1962, 2-е изд., М., 1966; Избранные страницы. М., «Московский рабочий», 1986; Рассказы и очерки. М., «Современник», 1987). Дорошевич не раз возвращался к личностям и творчеству любимых актеров. Естественно, что эти «возвраты» вели к повторам каких-то связанных с ними сюжетов. К примеру, в публиковавшихся в разное время, иногда с весьма значительным промежутком, очерках о М.Г. Савиной повторяется «история с полтавским помещиком». Стремясь избежать этих повторов, Кугель применил метод монтажа: он составил очерк о Савиной из трех посвященных ей публикаций. Сделано это было чрезвычайно умело, «швов» не только не видно, – впечатление таково, что именно так и было написано изначально. Были и другого рода сокращения. Сам Кугель во вступительной статье следующим образом объяснил свой редакторский подход: «Художественные элементы очерков Дорошевича, разумеется, остались нетронутыми; все остальное имело мало значения для него и, следовательно, к этому и не должно предъявлять особенно строгих требований... Местами сделаны небольшие, сравнительно, сокращения, касавшиеся, главным образом, газетной злободневности, ныне утратившей всякое значение. В общем, я старался сохранить для читателей не только то, что писал Дорошевич о театральной Москве, но и его самого, потому что наиболее интересное в этой книге – сам Дорошевич, как журналист и литератор».

В связи с этим перед составителем при включении в настоящий том некоторых очерков встала проблема: правила научной подготовки текста требуют давать авторскую публикацию, но и сделанное Кугелем так хорошо, что грех от него отказываться. Поэтому был выбран «средний вариант» – сохранен и кугелевский «монтаж», и рядом даны те тексты Дорошевича, в которых большую часть составляет неиспользованное Кугелем. В каждом случае все эти обстоятельства разъяснены в комментариях.

Тем не менее за пределами и «кугелевского» издания осталось множество театральных очерков, фельетонов, рецензий, пародий Дорошевича, вполне заслуживающих внимания современного читателя.

В настоящее издание, наиболее полно представляющее театральную часть литературного наследия Дорошевича, помимо очерков, составивших сборник «Старая театральная Москва», целиком включен восьмой том собрания сочинений «Сцена». Несколько вещей взято из четвертого и пятого томов собрания сочинений. Остальные произведения, составляющие большую часть настоящего однотомника, впервые перешли в книжное издание со страниц периодики – «Одесского листка», «Петербургской газеты», «России», «Русского слова».

Примечания А.Р. Кугеля, которыми он снабдил отдельные очерки, даны в тексте комментариев.

Тексты сверены с газетными публикациями. Следует от-

метить, что в последних нередко встречаются явные ошибки набора, которые, разумеется, учтены. Вместе с тем сохранены особенности оригинального, «неправильного» синтаксиса Дорошевича, его знаменитой «короткой строки», разбивающей фразу на ударные смысловые и эмоциональные части. Иностранные имена собственные в тексте вступительной статьи и комментариев даются в современном написании.

Список условных сокращений

Старая театральная Москва. – В.М. Дорошевич. Старая театральная Москва. С предисловием А.Р. Кугеля. Пг.-М., «Петроград», 1923.

Литераторы и общественные деятели. – В.М. Дорошевич. Собрание сочинений в девяти томах, т. IV. Литераторы и общественные деятели. М., издание Т-ва И.Д. Сытина, 1905.

Сцена. – В.М. Дорошевич. Собрание сочинений в девяти томах, т. VIII. Сцена. М., издание Т-ва И.Д. Сытина, 1907.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЦТМ – Государственный Центральный Театральный музей имени А.А. Бахрушина (Москва).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

ОРГБРФ – Отдел рукописей Государственной Библиотеки Российской Федерации (Москва).

ЦГИА РФ – Центральный Государственный Исторический архив Российской Федерации (Петербург).